

Адель Хайд

Наследница
ПОЛОЗА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х15

Иллюстрация *И. Косулиной*

Хайд, Адель.
Х15 Наследница Полоза / Адель Хайд. — Москва : Эксмо,
2026. — 544 с.

ISBN 978-5-04-242797-8

Фаина Андреевна — молодая дворянка с испорченной репутацией, от которой отвернулись все близкие. Единственное, что у неё осталось, — старая усадьба под Екатеринбургом, доставшаяся ей от сводного брата, убитого в собственном доме. Места эти овеяны тайнами. Говорят, что в недрах этой земли хранится особое золото, которое скрыл от жадных людей сам Великий Полоз. Смерть брата, покушение на саму Фаину — всё указывает на то, что кто-то поверил старинной легенде и твёрдо намерен завладеть наследством Фаины. Девушке придётся отправиться навстречу смертельной опасности, чтобы понять, кто решился на убийство, и единственный, кому она может доверять, — молодой обаятельный купец, предложивший Фаине интересную сделку...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-242797-8

© Адель Хайд, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

Оговорка: любые совпадения по тексту романа с реально существовавшими историческими персонами случайны. Это авторская версия альтернативной реальности

Всю жизнь Фаина¹ Андреевна боролась. Сначала за хорошие оценки в школе, потом за стахановские показатели на фабрике, потом за урожаи, боролась с безденежьем девяностых, с рэкетирами на продовольственном рынке, с деловыми за свой участок земли, и вот наконец борьба завершена — дай бог, помирает в отдельной палате, окружённая большой семьёй: дети, внуки, даже один правнук есть.

«Ну теперь-то отдохну», — подумала она и закрыла глаза, чтобы сделать последний вдох.

* * *

Фаина Андреевна

Это совершенно точно была больничная палата. Но я сразу поняла, что это не та палата, где я лежала. Во-первых, запах был совершенно другой — какой-то

¹ Фаина — женское русское личное имя греческого происхождения; переводится с греческого — «сияющая, блестящая».

острый. Из своего послевоенного детства я помнила этот запах, меня тогда вместе с другими детьми отправили в санаторий на море отъедаться и лечиться, у нас у всех был рахит.

Я очень хорошо запомнила чувство голода, хотя мне и говорили, что такого не бывает, что двухлетний ребёнок не может так чётко помнить. Но я помнила, как ели картошку в кожуре, и мне очень хотелось соли. Тогда голова у меня была большая — больше, чем должна быть. Но когда через четыре месяца я вернулась домой, мама меня не узнала — привезли упитанную здоровую девочку. Хотя сердце потом всю жизнь пошаливало: последствия.

Из воспоминаний меня вырвал разговор. Разговаривали двое.

— Завтра отправьте девушку в Волковскую богадельню.

Женский (похоже, что женщина была пожилая) голос отвечал:

— Да как же, Иван Петрович, в Волковскую? Там же самая беднота, они же всех принимают. Помрёт же. Может, в Елисаветинскую?

Мужской голос устало произнёс:

— Поверьте, Анфиса Васильевна, ей всё равно. Она уже умерла, просто тело ещё живо, а душа её уже в раю.

Потом помолчал, и Фаине Андреевне показалось, что мужчине не очень приятно объяснять женщине такие вещи, и добавил:

— В Елисаветинской места ограничены. Лучше отправьте туда старика из второй палаты: здоровье крепкое, он ещё проживёт, может, и лет десять.

Глава 1

Хлопнула дверь. Кто-то склонился, поправляя одеяло. На меня пахнуло запахом кислого женского пота.

— Ох ты ж, горюшко брошенное, — жалостливо проговорила женщина, и я решила открыть глаза.

Прямо над собой увидела широкое рябое лицо. На голове женщины был повязан белый платок с красным крестом.

«Странно, — подумала я, — уже неделю лежу в этой больнице, а эту медсестру вижу впервые. И что за Иван Петрович, если моего врача звали Александр Иванович? Да и палата какая-то странная. Может, реанимация? Да и говорят странно, в богадельню кого-то отправлять собрались. Я такие слова только в книжках и читала».

Женщина, погружённая в свои мысли, сначала не заметила, что я открыла глаза. Я хотела её позвать, но смогла только выдать стон, как будто горло сильно пересохло и голосовые связки не желали издавать звук.

Женщина вздрогнула и перевела на меня удивлённый взгляд.

Я моргнула.

Она охнула и непроизвольно сделала шаг назад.

Я опять попыталась произнести слово, попросив воды, но вместо слова «пить» снова получился стон.

Хотела поднять руку, чтобы показать хотя бы жестом, что хочу пить, но рука не двигалась.

Сбылся мой самый страшный кошмар — меня парализовало! Вот надо же, не могла помереть спокойно! И что теперь, буду так лежать, как овощ?

Захотелось завывать в голос. И, о чудо, из горла вырвался не просто стон, а целый крик!

Анфиса Васильевна справилась с удивлением и второй раз уже не вздрогнула.

— Барышня, да неужто?! — она довольно шустро для своей комплекции подскочила ко мне и помогла присесть, откуда-то сбоку, словно фокусник из шляпы, достав дополнительную подушку.

Лет ей было около шестидесяти, может быть, и меньше, но лишний вес годков прибавлял. Лицо добродушное, глаза добрые. Одета она была в белый хирургический халат — тот, который без пуговиц и обвязывается вокруг пояса.

Я подумала, что, скорее всего, мужчина, с которым Анфиса Васильевна разговаривала, был доктором, а она сама медсестра.

Скосила глаза на небольшую тумбочку, на которой стояла кружка, размышляя, как бы мне сообщить, что надо воды. Но Анфиса Васильевна была опытной медсестрой и, увидев, что я поглядываю на кружку, ласково спросила:

— Водички?

Я, облегчённо выдохнув, кивнула. И с радостью поняла, что шея у меня вполне шевелится.

Анфиса Васильевна, цапнув кружку, выскочила за дверь.

А я ещё раз попыталась подвигать пальцами на руке, и мне показалось, что начало получаться, но как-то

с трудом, словно я долго не двигалась, и руки-ноги, да и всё тело моё затекли.

Вдруг на меня накатило чувство нереальности происходящего, потому как я вглядывалась в свои руки и только сейчас поняла, что, во-первых, вижу их прекрасно, а не мутно, как в последние несколько лет, и во-вторых, это совершенно точно были не мои руки.

Руки, которыми я пыталась двигать, принадлежали молодой женщине, а не восьмидесятилетней старухе. От неожиданности у меня даже получилось скрючить пальцы, и не только на руках, я ощутила, что чувствительность появилась и в ногах.

И вдруг меня скрутила боль: ноги, руки, спина — всё начало сводить и колоть иголками. Я застонала, и в этот момент открылась дверь, и в палату зашёл мужчина в белом халате и с ним Анфиса Васильевна.

— А-а-а, — продолжила я стонать, выгибаясь всем телом, потому что его сводило, и мне казалось, что все мышцы, какие есть, сжались и стали скручиваться в пружину.

Мужчина быстрым шагом подошёл ко мне искомандовал:

— Анфиса Васильевна, помогите мне, её надо перевернуть.

Он сорвал с меня одеяло, и они вместе с Анфисой Васильевной меня перевернули.

— Масло принесите! — ещё раз скомандовал, видимо, доктор и, уже обращаясь ко мне, произнёс: — Терпи, сейчас будет больно, терпи.

Я только успела ощутить, как руки прикоснулись к ногам, а потом мне стало так больно, что я, прикусив губы, ни о чём не могла думать, только мычала, пока не услышала от врача:

— Дыши, давай, постарайся сделать вдох.

Меня снова перевернули, и я постаралась вдохнуть, и когда у меня это получилось, мне вдруг стало легче.

Таким же образом мне промассировали руки, было больно, но то ли я притерпелась, то ли боль была уже не такой интенсивной.

Закончив, доктор посмотрел на меня с какой-то смесью удивления и восхищения, и даже, мне показалось — неверия, и сказал:

— Чудо, что вы ожили. Я вам скажу, что из вегетативного состояния¹ не выходят, если проводят в нём больше двух недель. Я впервые вижу такое.

А я поняла, что всё-таки хочу пить, о чём и сказала, вернее, прохрипела.

Анфиса Васильевна снова убежала за дверь. Скорее всего, она так и не принесла воды в прошлый раз, предпочтя позвать врача. И, надо признаться, они появились очень вовремя.

Пока ждали Анфису Васильевну, доктор пододвинул стул и, присев рядом с кроватью, попросил подвигать глазами и проследить за его рукой, что я успешно сделала.

Доктор довольно хмыкнул и весело произнёс:

— Надо же, чудо, просто библейское чудо. И, главное, как вовремя!

* * *

Доктор покачал головой, видимо, в тон каким-то своим мыслям. В дверь палаты вошла Анфиса Васильевна с подносом, на котором стоял графин и стакан.

Я смотрела на вожделенную воду.

¹ Понятие «кома» появилось чуть позже, ближе к середине двадцатого века. До этого медики использовали определения «вегетативное состояние» или «состояние минимального сознания».

Анфиса Васильевна помогла мне, поддерживая стакан, но я всё равно облилась.

Доктор приказал:

— Анфиса Васильевна, организуйте гигиену пациентке и после вызовите меня.

Доктор ушёл, а Анфиса Васильевна помогла мне встать, и мы пошли куда-то в коридор.

Я уже поняла, что со мной произошло «чудо». Вот только мы с доктором говорили о разных чудесах. Он — о чудесном оживлении неизвестной мне девушки, а я — о чудесном превращении из умирающей старухи с вредным характером в умирающую девушку.

Анфиса Васильевна, надев мне на ноги бахилы на завязках, довела меня до комнаты, которая оказалась помывочной, потому что водопровод был, но общее устройство указывало на то, что здание явно не оборудовано по последнему слову техники, а скорее — по «первому слову». В комнате стояла печка, на которой грелся большой чан.

Благодаря печке в помывочной было тепло.

Под пропитанной потом холщовой рубашкой у меня оказался большой, скрученный из какой-то старой простыни «памперс». Ну что сказать, моё оживление не прошло даром, «памперс» был использован по назначению.

Меня усадили в корыто, и Анфиса Васильевна начала поливать из ковшика, предварительно смешав воду в тазике.

Я молчала и рассматривала чужие ноги, аккуратные маленькие стопы. Ноги были нездорово худыми, но по тому, что увидела, можно было точно сказать, что омолодилась я не меньше чем на полвека, а то и больше.

Анфиса Васильевна, видимо, была женщиной словоохотливой, поэтому всё время, что меня мыла, она говорила. И даже то, что я не отвечала, её совершенно не смущало.

— Это хорошо, барыня, что вы сегодня проснулись-то, видно, Бог вас любит. А то ведь, — и Анфиса Васильевна снизила голос до шёпота, — завтра-то Иван Петрович велел вас в богадельню определить, а та-ам... — женщина даже на стала заканчивать, просто протянула слово «там» так, что стало понятно, что туда отправляли умирать.

Слушать мне было интересно, но я пока побаивалась задавать вопросы. Надо было разобраться, где я, кто я и что произошло.

Кожа на руках и ногах у меня была мягкая и без мозолей, значит, физическим трудом это тело особо не занималось. Да и то, что Анфиса Васильевна назвала меня барышней, указывало на то, что я могла находиться вообще в каком-то прошлом и, возможно, даже относиться к какому-то сословию.

Но я пока старалась об этом не думать, потому как никогда не верила в сказки.

Я выросла в стране, где всем говорили, что бога нет, а религия — это «опиум для народа». Правда, в последние годы все вдруг резко стали верующими, и иногда, глядя по телевизору, как чиновники стоят многочасовые пасхальные службы, мне хотелось ругаться — тяжело, наверное, думать о душе, глядя на мир из окна служебного автомобиля!

— Деньги-то последние ваш жених месяц назад внёс, а неделю назад приезжал — красивый такой! Посмотрел на вас, послушал, значит, Ивана Петровича, что не жилец вы, да и сказал, что он собирается жениться и оплачивать ваше содержание больше не может.

Анфиса Васильевна тяжело вздохнула и вдруг погладила меня по мыльной голове:

— А ведь Иван Петрович и маменьке вашей писал, да пришёл ответ, что уехали они, не знаю, за границу или

ишо куда, а только тоже никаких денег больше не платили.

Женщина так расстроилась, что у неё выступили слёзы, и она промокнула глаза тыльной стороной кисти, шмыгнула носом и проговорила:

— Ну ладноть, главное, что вы пришли в себя, ба-рышня, а значит, всё наладится: и жениха нового найдёте, и маменька, может, вернётся.

Анфиса Васильевна встала и с лёгкой улыбкой проговорила:

— Давайте подымайтесь.

Завернула меня в чистую сухую простыню, помогла надеть бахилы, и мы пошли обратно в палату.

В палате Анфиса Васильевна помогла мне переодеться в не новую, даже, можно сказать, застиранную, но чистую рубаху.

Кровать уже кто-то перестелил, и я с удовольствием прилегла.

— Сейчас я покушать вам принесу, а потом Ивана Петровича позову. — Анфиса Васильевна почему-то прятала от меня глаза, и мне это не понравилось. О чём таком будет говорить Иван Петрович, что доброй женщине так неловко?

Глава 2

Бульончик и жидкая кашка показались мне божественно вкусными. Вероятно, ещё и потому, что я последние годы совсем почти вкуса не чувствовала. Вот если селёдочку под шубой, то да, но доктора-то часто солёного не позволяли.

А в этом теле — уж и не знаю, за какие заслуги или грехи мне вторая молодость досталась, а только пока

я себя ощущала стоящей у двери в «сказочную страну», как Алиса.

Ещё бы узнать, как меня зовут, кто я и почему оказалась в таком молодом возрасте в коме на больничной койке.

Если жених платил за отдельную палату, значит, не такая уж и бедная я была, да и «маменька» вон за границу умотала. Тоже, наверное, не на последние.

Так, за размышлениями, я постепенно стала проваливаться в дремоту. Но уснуть мне не дали — дверь в палату распахнулась, и вошёл Иван Петрович.

— Ну вот, голубушка, — широко улыбнувшись, проговорил доктор, — это же совсем другое дело.

Иван Петрович взял стул и придвинул его ближе к кровати, присел.

Я рассматривала доктора и замечала, что и причёска мужчины, и борода, и очки — такие, без дужек, кажется, их называли пенсне — всё указывало на то, что я нахожусь в прошлом. И, судя по тому, как говорила Анфиса Васильевна, используя выражения, которые в моём времени никто уже и не употреблял, вполне возможно, что прошлое весьма отдалённое от моего настоящего.

Между тем доктор, закинул ногу на ногу, руки сложил замком на коленях. Потом достал платок из кармана, снял пенсне и начал его протирать.

Я смотрела и размышляла о том, что, похоже, ему, как и Анфисе Васильевне, крайне неловко начинать этот разговор.

Но Иван Петрович всё-таки собрался с мыслями, надел на переносицу до блеска натёртое пенсне и, снова сложив руки в замок и положив их на колени, сказал:

— Фаина Андреевна, голубушка, раз уж вы пришли в себя, то я должен вас предупредить, что палата эта

оплачена до сегодняшнего дня, и завтра вам придётся её освободить.

А я даже не поняла, что он сказал, потому как только он меня назвал моим собственным именем, отчего-то затопила такая радость, что больше ничего я и не услышала.

Так странно, неужели и вправду есть некая магия имени? И как только оно прозвучало, то сразу откуда-то пришла уверенность, что я со всем справлюсь, потому что это я.

— Фаина Андреевна, вы слышали, что я сказал? — сквозь размышления услышала я голос Ивана Петровича.

Я улыбнулась, не в силах сдержать радость от того, что снова слышу собственное имя, и попросила:

— Не могли бы вы повторить?

Доктор внимательно на меня посмотрел:

— Вы себя хорошо чувствуете?

— Да, только вот помню не всё, — решила я сообщить доктору о своей проблеме. Не буду же я ему говорить, что совсем без памяти, ещё отправит в богадельню.

Но доктор сразу же ухватился за предложенный симптом:

— Да, голубушка, такое бывает, всё же ваша... мhm... душа где-то пребывала целых три месяца, и, конечно, вам ещё предстоит восстанавливаться...

На этом Иван Петрович вдруг осёкся и даже испуганно на меня посмотрел:

— Ну так вот, голубушка, о чём это я... В общем, завтра буду вынужден вас выписать...

И доктор замолчал, видимо, не зная, что говорить дальше.

— Иван Петрович, — несколько хрипло проговорила я, — я не всё помню, но мне казалось, что мы жили не бедно. Возможно ли меня отвезти домой?

Доктор испуганно на меня посмотрел и, тяжело вздохнув, сообщил:

— Матушка ваша продала столичный дом и уехала в Париж, на письма мои не отвечала, а перед отъездом счета оплатить отказалась. Если бы не ваш жених, Дмитрий Алексеевич, то давно бы пришлось вас в богадельню отправлять. А так всё же появился у вас шанс, и вы пришли в себя.

Я смотрела на доктора и размышляла:

«Выпихнут меня завтра отсюда, и куда я пойду?»

Видимо, что-то отразилось на моём лице, потому как Иван Петрович улыбнулся и успокаивающе произнёс:

— Да вы так не переживайте, голубушка, до завтра полежите, потом сходите к семейному нотариусу, у которого ваши документы хранятся, и всё узнаете.

Иван Петрович снова достал из кармана платок, снял пенсне и начал его протирать. В какой-то момент остановился и добавил:

— Помнится, брат у вас был старший, сын вашего батюшки от первой супруги, где-то на Урале жил. Может, и примет вас, всё же вы одна кровь.

* * *

Доктор уже ушёл, а у меня сон как рукой сняло.

«Да, Фаина Андреевна, — подумала я, — вот же решила отдохнуть».

И так мне весело стало, что я чуть было в голос не рассмеялась. Но сдержала себя: мне ни в богадельню, ни в дом призрения не хотелось. И так пришлось признаться про потерю памяти. Хорошо, что доктор всё списал на «возможные последствия».

Сон всё-таки победил, и в какой-то момент размышлений я уснула. Разбудила меня Анфиса Васильевна, ко-

торая принесла ужин и тёплый взвар, как она назвала приятный ароматный напиток в глиняном кувшинчике. А ещё она принесла мне небольшое зеркало — красивое, на ручке.

Зеркало было аккуратно завернуто в тряпицу. Анфиса Васильевна с большой осторожностью его развернула и подала мне:

— На вот, посмотрите, видела же я, что вы всё осматривались, зеркало искали.

Я с благодарностью приняла зеркало, которое оказалось весьма тяжёлым для такого размера, и с замиранием сердца взглянула на себя.

На меня смотрела белокурая девушка с огромными, потрясающей синевы глазами. Лицо у девушки сейчас было болезненно бледным, но то ли из-за глаз, то ли от сочетания этой бледности с розовыми пухлыми губами казалось очень нежным и незащищённым.

Я в молодости совершенно точно такой не была, хотя тоже имела светлые волосы и синие глаза, которые с возрастом приобрели сероватый, я бы даже сказала, стальной оттенок. Жизнь не особо баловала, поэтому пришлось «закалиться».

Смотрела женщина на меня с жалостью, и поэтому я решилась всё-таки спросить:

— Анфиса Васильевна, а какой теперь год?

На глазах у сердобольной санитарки выступили слёзы, и она, погладив меня по голове, сказала:

— Ох ты же горюшко, год нынче одна тысяча восемьсот девяносто восьмой. Неужто и это запомняла?

— Да, просто решила теперь себя проверять, чтобы точно знать, что помню, а что нет, — постаралась я исключить всякие подозрения в моей адекватности.